

ГЛАВА 8. ДЕМОНИЧЕСКИЕ ЗВЕРИ

Лазурь небес, пронзённая изумрудными тенями, и яркий солнечный диск обещали погожий день. Горная крепость на горе Байхуэй, благословлённая самой природой, встречала утро в радостном оживлении.

Белоснежные облака лениво плыли по небу, напоминая отдыхающих в высокой траве овец. Рядом улыбались солнцу цветы льнясинь, чей аромат мешался со свежестью белых камней, рассыпанных по склонам гор, словно застывшие капли росы.

Однако за призрачным маревом, окутавшим вершину, неотступно следовала мрачная, давящая тень.

Когда меня бесцеремонно схватили за плечо, я медленно поднял голову. Передо мной стоял человек, чей облик веял непостижимой тайной. В его ауре чувствовалась ярость бури, которая, впрочем, начала утихать в то самое мгновение, как наши взгляды встретились.

— Мо Чэ, — позвал я.

Он словно очнулся от глубокого раздумья. Посмотрев на меня, он спросил глухим, лишённым красок голосом:

— Ты где был?

«Сам хотел у тебя это спросить», — промелькнуло в голове.

— Нигде особенном, просто гулял, — я попытался высвободить руку. Он сжимал моё запястье так крепко, что я невольно поморщился.

Последние отблески зари угасали на его чуть нахмуренном челе. Наконец он разжал пальцы.

Я думал, он уйдёт, но Мо Чэ продолжал стоять, будто ожидая от меня каких-то слов. Мы молчали, и атмосфера становилась всё более натянутой. Я уже мучительно соображал, как прервать это затянувшееся безмолвие, когда со спины меня вдруг обхватил за шею Цинь Хуань.

— Сяо Байлянь! Ты чего в такую рань поднялся? Неужто решил составить мне компанию и спуститься в город за покупками?

Я решительно мотнул головой:

— Нет, я хочу вернуться и отдохнуть.

Прошлую ночь мне так и не удалось сомкнуть глаз, веки слипались, и сил на поход в город попросту не осталось. Однако Цинь Хуань и не думал меня отпускать. Уткнувшись подбородком в моё плечо, он покосился на Мо Чэ:

— Первый глава, Второй глава вчера искал вас, но не нашёл. Может, спуститесь с нами?

«Почему ты говоришь «с нами»? Разве не видел, что я отказался?» — возмутился я про себя.

В итоге моим мечтам о сне не суждено было сбыться. Когда я окончательно пришёл в себя, мы уже шагали по шумным улицам городка Ванху.

Едва добравшись до подножия горы, Мо Чэ отделился от нас, отправившись на поиски Ху Лая. Я порывался пойти с ним, надеясь проведать ту старушку, но Цинь Хуань вцепился в меня мёртвой хваткой. Переспорить его было невозможно, пришлось смириться.

Рыночное изобилие ослепляло. Цинь Хуань уверенно лавировал между прилавками, скупая ворохи бумажных слитков, свечей и ритуальных денег.

— Зачем тебе всё это? Это же ни съесть, ни поиграть, — я с недоумением разглядывал его покупки. Казалось, полгорода сбежалось за тем же самым.

Цинь Хуань удивлённо обернулся:

— Ты что, не знаешь, для чего это нужно?

— Знаю, конечно... Свечи и бумага для поминания усопших. Но к чему так много?

— Сегодня годовщина смерти моих родителей, — он опустил голову, подсчитывая расходы.

Я мгновенно умолк.

— Сожгу побольше у входа в дом, пусть предки защищают и хранят меня, — он показал два острых клычка в улыбке и купил ещё одну пачку бумажных денег. — Лишним точно не будет!

Так незаметно наступил полдень.

Затащив меня в лавку сладостей, он набрал полные пригоршни сушёных фиников и орехов в сахаре. Нагруженные свертками, мы остановились перед небольшим домиком в глубине города. На обветшалых воротах старого двора красовались свежие парные надписи.

Дверь со скрипом отворилась. Во дворе мы увидели женщину с убранными в пучок волосами.

Лицо её было простым, но при взгляде на неё становилось спокойно и тепло. Рядом возился малыш лет двух-трёх.

Заметив Цинь Хуаня, женщина отложила чеснок, который чистила, вытерла пот со лба рукавом и приветливо улыбнулась:

— Сяо Хуань, пришёл наконец.

— Сестра, — отозвался тот.

Мальчик, завидев дядю, радостно закричал и бросился к нему, обхватив за ногу:

— Сяо-цзюцзю, Сяо-цзюцзю, хочу конфет!

Цинь Хуань тут же подхватил сорванца на плечи, сияя улыбкой ярче весенних цветов:

— Сяо Лун, будь умницей, и дядя угостит тебя сладостями!

Он достал только что купленные цукаты. Ребёнок залился весёлым смехом, а его розовые щёчки стали ещё милее. Подкидывая малыша, Цинь Хуань носился с ним по двору, светясь неподдельной любовью.

Старшая сестра Цинь Хуаня, вымыв руки, подошла ко мне:

— Это твой друг, Сяо Хуань?

— Да, меня зовут... — начал было я.

— Это Сяо Байлянь, он недавно в нашей крепости, — перебил меня Цинь Хуань, не спуская племянника с рук.

У женщины были чуть поредевшие волосы и усталый взгляд обычного человека. Возможно, сок чеснока разъел ей глаза — они казались покрасневшими. Она кивнула мне и подала чашу с водой.

— Благодарю, сестрица.

Она мягко улыбнулась, потирая натруженные руки:

— Раз ты в крепости, значит, мы теперь одна семья. Друг Сяо Хуаня — мой друг, не стесняйся.

Затем она ушла на кухню готовить поминальную трапезу.

Я заглянул в комнату. Самым приметным там был алтарь с тремя поминальными табличками. В маленькой курильнице дотлевали палочки благовоний. Сквозь полупрозрачную дымку проступали надписи: «Покойный отец», «Покойная мать», «Покойный муж».

Чёрное дерево табличек казалось потухшими очами, вззирающими на мир с немым изнурением или мертвенной печалью. В комнате стало неуютно. Я тихо вышел и присел во дворе.

Когда наигравшийся малыш уснул, Цинь Хуань вышел ко мне. Он уселся рядом, сунул в рот травинку и, закинув ногу на ногу, уставился в небо. Солнце светило ласково, но он всё равно зажмурился.

— Какая чудесная погода, — пробормотал он.

Весна всегда прекрасна, по крайней мере, для цветов. Обхватив колени, я кивнул:

— Да.

Помолчав, Цинь Хуань открыл глаза.

— А я ненавижу такую погоду.

Это признание прозвучало так внезапно, что я не нашёл, что ответить. Но он уже снова улыбался своей привычной озорной улыбкой:

— Когда на улице хорошо, мне приходится носиться туда-сюда, выполняя поручения. Иногда по три раза на дню спускаюсь и поднимаюсь, спина потом отваливается.

В крепости Байхуэй Цинь Хуань был своего рода курьером. Горные тропы круты и опасны, одного подъёма хватит, чтобы выжать все силы, а он бегал постоянно.

— Сяо Байлянь, — вдруг позвал он. — А почему ты так отчаянно ищешь брата?

Я снова поднял взгляд к небу:

— Потому что... хочу, чтобы он был счастлив.

Зная его судьбу, мог ли я остаться в стороне? Будь на моём месте кто-то другой, я, возможно, проявил бы эгоизм, но выбора мне не оставили. В душе шевельнулось странное, горькое чувство.

Словно стоишь на берегу и смотришь, как в воде медленно тонет твоё собственное отражение. Видишь руки, тянущиеся за спасением, и знаешь, что они вот-вот исчезнут в пучине. Это и есть рок.

Интересно, смогу ли я его изменить? Если бы только это было возможно...

Цинь Хуань молчал, вновь закрыв глаза.

Перед ужином мы зажгли благовония, и Цинь Хуань позвал меня жечь бумажные деньги у ворот. Он протянул мне пачку листов, предложив помянуть своих близких.

— Сожги для своего деда.

Я принял бумагу с кривой усмешкой. Фэн-бо, старый ворчун, узнай он, что я хороню его заживо, точно бы голову мне оторвал. К тому же... я никогда никого не оплакивал.

У демонов редко бывают родители, а если и есть, то, повзрослев, они почти не ведают привязанностей. Всё сводится к поверхностному знакомству: жив ты или мёртв — никого не заботит. Небожители и вовсе бесстрастны: вечно нацепленные маски благодушия скрывают пустоту. Не могу представить себе бессмертного, который бы рыдал над надгробием. Это было бы жуткое зрелище.

Даже я вряд ли стану горевать об ушедшем. Смерть — это финал человеческой трагедии.

Не знаю, каким будет мой конец в этом перерождении. Может, умру в глубокой старости в окружении близких, а может, как кто-то предрекал, мне суждено одиночество. Но я думаю вот о чём: если сама жизнь была счастливой, станет ли миг ухода менее болезненным? Быть может, в последнюю секунду перед глазами промелькнут лишь светлые моменты, и душа, озарившись улыбкой, вырвется из темницы плоти, сбросит оковы и обретёт свободу?

Если сжигание бумажных денег — это лишь способ утешить себя, то я сожгу их для самого себя.

Попрощавшись со старшей сестрой Цинь Хуаня после ужина, мы двинулись обратно в крепость.

Лунный свет заливал дорогу серебром. Стрекот насекомых затихал в траве, а чёрный лес расступался перед лучом фонаря в руках Цинь Хуаня, который уверенно вёл меня за собой. Внезапно он замер и настороженно огляделся.

— Что случилось? — шепотом спросил я.

Цинь Хуань прижал палец к губам, призывая к тишине, и быстро затащил меня в густые заросли. Не успел я и слова вымолвить, как в лицо ударил порыв ледяного ветра, принесший густой, удушливый запах крови.

«Кровь?!»

Цинь Хуань знаками приказал не шевелиться. В этот миг на дорогу вышло нечто.

Существо было покрыто вязкой слизью, его кожа отливала мертвенной синевой. Лицо почти стёрлось — на нём выделялась лишь огромная пасть с торчащими острыми клыками длиной в палец. Облик его был неопишимо омерзителен.

Демонический зверь.

Тварь принялась и, издав радостный хрип, метнулась мимо нас. Неужели она почуяла тот запах крови? Цинь Хуань нахмурился и явно собрался последовать за ней. Я ухватил его за рукав, давая понять, что пойду тоже. Он помедлил, но кивнул.

Мы шли по следу, пока запах не стал невыносимым. В лунном свете нам открылась жуткая картина.

Три существа, в точности похожие на то, что мы видели, яростно рвали на части тушу какого-то животного. Они вгрызались в холодную плоть, разрывая её в клочья. Те, кому не досталось куска, подбирали с земли вываливающиеся внутренности. В мгновение ока демонический зверь оторвал голову несчастному зверю и отбросил её в сторону, продолжая пиршество.

Вскоре от туши остался лишь обглоданный скелет, а земля вокруг была залита кровью и усеяна костями.

Я затаил дыхание, боясь даже пошевелиться. Никогда прежде я не видел столь свирепых созданий — не то зверей, не то демонов.

Эти существа — неудачные попытки демонов принять человеческий облик. Потерпев крах, они теряют магическую силу, а со временем лишаются и разума, превращаясь в кровожадных бестий. Фэнхуа рассказывал мне об этом, когда я ещё не обрёл тело. Тогда я думал, что он просто насмехается надо мной, и не подозревал, что подобные монстры существуют на самом деле.

Но мы были не единственными свидетелями этой бойни. Поблизости притаились другие люди, и они, очевидно, были парализованы ужасом.

Несмотря на все старания сохранить тишину, двое несчастных, прятаясь в кустах, совершили роковую ошибку. Попытавшись бежать, они зашуршали листвой. Слух

демонических зверей невероятно остр — они не пропускают ни единого звука. Троица монстров мгновенно бросила остатки туши и ринулась к новой добыче.

Мужчина и женщина отчаянно сопротивлялись. У них были мечи, и они вступили в схватку, но бестии не ведают боли. У них есть лишь три инстинкта: броситься, вцепиться и растерзать.

Первой пала женщина. Она попыталась вырваться, но самый мелкий из монстров, которому до этого не хватило мяса, улучил момент. Он вцепился ей в горло и рванул. Кровь брызнула фонтаном, женщина вскрикнула и затихла.

Её спутнику тоже было не спастись. Я с содроганием смотрел, как демонические звери проламывают ему череп. Желудок сжался в приступе тошноты. Цинь Хуань удерживал меня, призывая не выдавать нашего присутствия.

Внезапно на моё лицо упало что-то липкое. Я машинально коснулся щеки и замер, похолодев. Затем я медленно тронул Цинь Хуаня за плечо и указал наверх.

Его взгляд остекленел.

Четвёртый демонический зверь давно почуял нас. Он сидел на ветке прямо над нашими головами, не сводя с нас невидимого взора.

Не успели мы ничего предпринять, как тварь рухнула вниз. Её корявые клыки едва не вонзились мне в затылок!

Мы чудом успели откатиться в разные стороны, но монстр разделил нас. Те бестии, что лакомились трупами, услышали шум и, ведомые инстинктом, бросились к нам.

Только что мы были зрителями. Теперь нам достались главные роли.

Я вскочил и бросился к могучему дереву, быстро карабкаюсь вверх. Внизу две бестии с уродливыми мордами начали скрести когтями ствол, роняя кровавую слюну. Они лезли следом.

К счастью, по лесу пронёсся сильный порыв ветра, разогнавший мой запах. Монстры закружили внизу, тщетно принюхиваясь. Я вдруг вспомнил: у них нет глаз.

Моя рука потянулась к Шпильке Управления Ветром в волосах. Появился шанс сбежать, но я увидел, что Цинь Хуаня прижали к краю той самой кровавой поляны.

Он подобрал меч, выроненный погибшими. Его лицо было странно спокойным — или, скорее, полным ненависти. Цинь Хуань совершил безрассудство: он первым бросился на монстра. Несмотря на его скорость, демонический зверь оказался проворнее: зверь прыгнул, и удар

пришёлся в пустоту.

Битва началась.

Ещё один монстр атаковал Цинь Хуаня в лоб, он едва успел уклониться, но те твари, что преследовали меня, тоже развернулись в его сторону.

Четверо против одного. Глупый малый, ему не выжить!

Шпилька Управления Ветром словно почувствовала моё отчаяние — я в мгновение ока оказался за спиной Цинь Хуаня. Я хотел подхватить его и унести прочь, но в пылу битвы не заметил врага сзади.

Когти вонзились мне в спину. Резкая, ослепляющая боль прошла всё тело. Цинь Хуань вскрикнул и обернулся.

Я стиснул зубы. Выхватив из волос шпильку, я со всей силы вонзил её в лапу монстра. Лес огласил душераздирающий вопль. Бестия вспыхнула яростным пламенем и в мгновение ока превратилась в кучку пепла.

«Адское пламя поглощает скверну, небожитель не знает пощады к демону».

Эту фразу я слышал во время обучения в Небесном чертоге. Тогда она меня возмутила: я сам был демоном по рождению и считал, что мы не творим зла, а бессмертные слишком жестоки, не оставляя от врага даже праха.

Теперь я понял. Некоторые твари — это просто порождения тьмы, лишённые души. Небо карает зло — таков закон.

Но мои руки дрожали. Бестии не колебались: будучи низшими существами, они не знали привязанности к сородичам. Гибель одного лишь раззадорила остальных. Они начали новую атаку.

Кровь заливала мне спину, боль лишала дыхания. Я пытался заставить себя двигаться, но силы покидали меня. Цинь Хуань поддерживал меня, его лицо исказилось от ужаса и отчаяния.

Трое демонических зверей неслись на нас, оскалив клыки. Смерть уже дышала нам в лицо, разевая свою чёрную пасть.

Внезапно воздух пронзил свист. Кроваво-красная вспышка разрежала ночной мрак, и лунный свет окончательно скрылся за пеленой теней. В лесной чаще, где сплетались ветви, вспыхнул жуткий танец алого и чёрного.

Сквозь пелену боли я увидел фигуру, преградившую нам путь. В его руке горел кровавым светом длинный меч. Очертания его силуэта были мне мучительно знакомы.

Сознание начало уплывать. Я уже не понимал — явь это или предсмертный бред.

<http://bllate.org/book/17534/1701258>